

Свирский Я.И.

МИР СЛОЖНОСТНОСТИ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКИХ СТРАТЕГИЙ Ж. ДЕЛЕЗА И Ж. СИМОНДОНА

1. Прежде всего, следует отметить, что творчество Ж. Делеза и Ж. Симондона соотносится с тем, что сегодня именуется как *Complex Systems Research* или *Theory of Complexity*. Речь идет о том, что эти стратегии ориентированы на имманентное исследование и не ведомы дисциплине, что не подразумевает отказа от дисциплинарного знания, но подразумевает развитие знаний, имеющих отношение к исследованию ради цели действовать в мире. При этом познающий интегрирован в процесс исследования, т.е. вместо попытки устранить познающего усилие направлено на попытку узнать и сделать прозрачными допущения познающего и тот процесс, посредством которого он строит знание.

Кроме того, идея сложности (complexity) сопровождается предостережением касательно разъяснений, упрощений, чрезмерно быстрой редукции. Здесь имеет место отказ от редукционизма. Сложность соткана из неопределенности, недетерминированности, неразрешимости и случайностей. Неопределенности возникают не только из-за ограничений в нашей способности понимать, но и благодаря неопределенности, вписанной в феномены. Сложность связана с определенной смесью порядка и беспорядка, весьма отличающейся от статичных концепций о порядке и беспорядке.

2. Можно условно различить «простоту» и «сложность» как концепты, а не как «жизненные термины». Ж. Делез и Ж. Симондон не доверяют «простоте». Они связывают ее с метафизическим разделением мира на трансцендентный мир истины и имманентный мир познающего (мыслящего, представляющего) человека. Мысль о мире предполагает предметный характер последнего, предполагает ту предметность, которая поддается теоретизации, а последняя, в свою очередь, держится на различении субъекта и объекта, явления и сущности, реальности и представления. В таком теоретизированном мире сложности как таковой нет, в нем есть лишь усложнение простого. Отсюда же возникает и традиционная философская проблема соответствия познанного (мира истин) и познаваемого (эмпирии).

3. Для Делеза и Симондона это – псевдопроблема, а сама оппозиция «простота-сложность» – псевдооппозиция. Простого не существует. Простота – опора для метафизического и трансцендентального мышления: избавление от лишних сущностей (Оккам), разложение на простейшие элементы (Декарт), априорные формы (Кант), экономия мышления (Мах) и т.п. Более того, простота тяготеет и к некоему единству, что также не

приемлемо для Делеза и Симондона. Вместо единства Симондон рассматривает дивергенции и конвергенции культурных образований, а также их фазовые переходы (техники и религии, теории и догмата, этики и ритуала и т. д.). Делез говорит о том, что вместо единства (единого объяснительного начала или достаточного основания) надо искать множественность, вместо тождества надо искать различие (но не «благодарную» оппозицию, которая уже теоретична, аксиоматична и затемняет сложность различия).

4. Позиционируя свое противостояние метафизике (ориентации на «простоту») и Делез, и Симондон – каждый по-разному – апеллируют к традиции имманентности (Спиноза, Ницше, Бергсон). Имманентность не предполагает простоты, в ней все сложно. И такая сложность требует своей концептуализации (но не теоретизации), которая не подразумевает уже наличной схемы понимания, наличного объяснительного принципа. И одним из важнейших концептов для Делеза является концепт «событие», непосредственно связанный с концептами «смысл», «нонсенс», «парадокс». Именно эти концепты призваны обеспечить доступ к указанным выше ситуациям неопределенности, недетерминированности, неразрешимости и случайности.

Логике объяснения Делез противопоставляет логику события-смысла, ориентированную не на теоретизацию, а на экспериментацию. Причем такая экспериментация сопряжена с «перцептами» (тем, что выходит за пределы чувственности) и с «концептами» (тем, что выходит за пределы имеющихся схематизмов мышления). Более того, в этой стратегии уже невозможно прежнее разделение на чувственное и интеллектуальное. Экспериментация в лоне события-смысла сопряжена со становлением-иным (становлением-животным, становлением-интенсивностью, становлением-невоспринимаемым), а шире – со становлением не-человеческим. Отметим, что прикосновением к не-человеческому (во многом с подачи Делеза и Симондона) обеспокоены сегодня не только философы (Мейясу, Брайант, Харман, Барет), но и антропологи (Эдуардо Кон, Вивейруш де Кастру).

5. Симондон выдвигает решающий тезис, касающийся того, что он именуется *индивидуацией*: надо познавать индивида через индивидуацию, а не индивидуацию через индивида. Причем изначальной инстанцией «мира», согласно Симондону, будет то, что он называет «доиндивидуальным», где отношения и индивиды еще не обрели свой статус. То есть, речь идет о том, чтобы понять и описать генезис, становление как индивидов, так и их отношений. Индивидами здесь могут выступать как человеческие (психические, коллективные), так и вне-человеческие (техника, природные реалии) сущие, которые не следует путать с не-человеческим (доиндивидуальным). Важная характеристика доиндивидуального – метастабильность. Такое состояние заполнено не уже

ставшими индивидами, а напряжениями, несовместимыми потенциалами, интенсивностями.

Интегрируя доиндивидуальные различия, индивидуация создает систему отношений, которая «удерживает вместе» то, что до ее появления было несовместимо. Индивидууемое сущее сохраняет в себе нечто от доиндивидуального и, таким образом, частично остается в метастабильном состоянии, предполагающем последующие индивидуации. Индивид – это место, где происходят локальные интеграции неоднородностей доиндивидуального. Он сам для себя – проблема, поскольку, трансформируя собственные потенции и изобретая структуры, формирует новые отношения с доиндивидуальным. Симондон также избегает теоретизации, упраздняет различие между априорным и апостериорным, используя вместо понятийных конструкций операциональную терминологию и терминологию генезиса.

6. Вывод: сложность требует особого языка, отличного от языка рациональности, ориентированного на упрощение. Такой язык следует искать не только в неких философских традициях, но и в естествознании, в математике, в политике, в искусстве. Такой язык ориентирован на уход от простоты устойчивого мира аксиом и теорем, к сложности мира становления, где доказательство сменяется казательством (демонстрация – монстрацией).